

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИРОНИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Медведок Татьяна Владимировна,

Белорусский государственный аграрный технический университет
(г. Минск, Беларусь)

На сегодняшний день характерен достаточно широкий интерес к изучению иронии. Исследование особенностей иронии и её использования в средневековой традиции уточняет и обогащает наши представления о генезисе иронии в динамике исторических типов мировоззрения.

В настоящее время интерес к изучению иронии характерен не только для философии, культурологии, эстетики, теории и истории литературы, но социологи и политологи, театральные и литературные критики, педагоги также обращаются к исследованию данной проблемы.

«Мировоззренческие аспекты изучения иронии являются наиболее значимыми для философского понимания, поскольку именно здесь устанавливаются зависимости между различными сторонами действительности...» [1, с. 6].

Возникновение иронии – характерный итог возникнувшего напряжения между индивидом и социальной средой, обособление и отделение человека, которое не могло произойти мгновенно.

В мифологии человек и окружающая его действительность обнаруживают себя как продолжение друг друга, оказываются связаны воедино, и в таком случае специалисты заявляют о синкретизме мифологического мировоззрения.

«...Появление иронии является свидетельством разрушения целостности древнего мифологического сознания и инструментом обновленной картины мира, которая исчерпала потенциал своего развития в рамках актуальной парадигмы» [2, с. 7].

Религиозное мировоззрение обнаруживает некоторые изменения, происходящие в структуре общественного мировоззрения. Единственным творцом иронии потенциально способен выступать Бог. Однако же библейский Бог наставляет, сообщает, предупреждает, грозит, но вряд ли он обращается к иронии или

направляет к ней человека. Что же касается самого индивида, то религиозное пространство веры носит преимущественно чувственно-эмоциональный характер, не затрагивая активного критицизма сознания.

Издавна незнакомое, неизведенное вызывает у человека настороженное отношение, зачастую – даже страх, что обусловлено возможностью опасности, к которой индивид не всегда готов. К совершенно новому явлению или предмету невозможно отнестись иронически до тех пор, пока не будет зафиксировано отсутствие угрозы с его стороны или обнаружено сходство с каким-либо ничтожным явлением.

В средневековой философии ирония оказывается невостребованной по причине того, что все сущее представлено в двух мирах. Первый мир – это мир божественный, священный, духовный, небесный, а второй мир – человеческий, плотский, земной, греховный мир. «Ирония оказалась вытесненной за рамки ортодоксальной религиозной философии» [3, с. 172].

Невостребованность иронической тональности в произведениях мыслителей Средних веков в полной мере компенсировалось посредством смеховой оценки извне. Согласно М.М. Бахтину, безграничный набор смеховых форм вызвал к жизни совершенно иной мир. «Через искромётные пародии переосмысливались не только буквально все моменты церковного культа, постулаты христианского вероучения, эпитафии, постановления церковных соборов, но и религиозно-философские учения» [3, с. 172]. Официальной, демонстративно серьёзной манере философствования оказался противопоставлен иронизм народного праздника, стихия смеха, праздника.

Народная смеховая культура явила собой определенную особую точку зрения на мир в целом, на его культуру и историю. Разнообразные проявления народной смеховой культуры, куда входила и ирония, являли собой ответ на правила и условности официального мира с его догматами и запретами, создавая свою реальность по своим же правилам и ниспровергая однозначность действительности.

Смеховой мир обнаружился скорее не оппозицией мира официальных взаимосвязей, а обратной его стороной. Постепенно к иронии начинают все чаще прибегать в литературе. «Средневековый смех полифункционален – исследователи отмечают и педагогический, и гедонистический, и жизнеутверждающий, и «кощунственный» аспекты этого смеха – не случайно он был ограничен только сферой праздника, а позднее полностью запрещен...» [4, с. 13].

Распространено мнение, что содержание категории «ирония» в средневековой традиции не может быть оценено однозначно, поскольку в вышеназванный период не было сделано фундаментального вклада в развитие содержания понятия иронии в философском либо эстетическом аспекте. Но, наряду с этим «средневековая ирония может быть понята в качестве мировоззренческой позиции, отражающей определенную грань бытия. Впоследствии мировоззренческое понимание феномена иронии получило определенное развитие в философии ряда мыслителей» [5, с. 80].

В. Янкелевич провозглашает невозможность иронии в Средние века, полагая, что мораль данной эпохи не позволяла проявлений притворства и несерьёзности. Что же касается тех исследователей, которые считают, что традиция

Средних веков вполне допускала возможность выражения иронического отношения, то они расходятся в оценивании роли, которую играла ирония в европейской средневековой культуре.

Вместе с тем имеются основания полагать, что ирония понимается в средневековой культуре и как специфическое отношение к жизни, обусловленное влиянием христианской морали. Средневековый мастер неизбежно ироничен, поскольку пытается имитировать божественное творение и одновременно понимает собственное несовершенство, тщетность попыток достичь божественного уровня. «В этой связи возникает закономерный вопрос о возможности восприятия художниками Средневековья собственных произведений с позиций иронии, поскольку сама антиномия безграничности божественного и ограниченности человеческого, скорее всего, является результатом современного истолкования текстов рассматриваемой эпохи» [5, с. 81].

Таким образом, в средневековой традиции применение иронии не получило распространение в границах философского дискурса, но в это же время ирония приобретает активное использование в народной смеховой культуре, создавая тем самым противовес распространенному религиозному аскетизму.

Литература

1. Серкова, В. А. Ирония в философском мышлении : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / В. А. Серкова; ЛГУ. – Ленинград, 1989. – 16 с.
2. Пивоев, В. М. Ирония как феномен культуры / В. М. Пивоев. – Петрозаводск: Изд-во Пет-рГУ, 2000. – 106 с.
3. Мальцева, О. В. Метаморфозы философской иронии: от Сократа к постмодерну / О. В. Мальцева // Наука. Религія. Суспільство. – 2010. – № 1. – С. 169-185.
4. Коновалова, О. А. Ирония как атрибут культуры эпохи постмодерна (философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / О. А. Коновалова; КемГУКИ. – Кемерово, 2005. – 18 с.
5. Заврумов, З. А. Литературно-философское понятие иронии: диахронический аспект / З. А. Заврумов // Новый университет. Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2016. – № 11-12. – С. 80-82.